

УЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

7

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТОШКЕНТ

ТАШКЕНТ

Р. Н. НАБИЕВ

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В КОКАНДЕ В 1840—1842 ГОДАХ

Во второй четверти XIX в., в период правления в Коканде Мухаммед Али (Мадали)-хана (1822—1842), социально-политическая обстановка в Кокандском ханстве была исключительно сложной.

Правда, границы ханства были укреплены и расширены; построены новые крепости, улучшено вооружение войск, особенно артиллерия. Некоторые источники свидетельствуют об известном оживлении работ по очистке и расширению оросительной системы. В Коканде и других городах было создано большое количество дворцов, садов, медресе, мечетей и т. п.

Однако внутривнутриполитическое положение Кокандского ханства было весьма напряженным, особенно в последние годы правления Мадали-хана. В среде правящей верхушки, разделенной на враждующие между собой группировки, не прекращались раздоры и интриги. Стремясь упрочить свое положение, хан поддерживал то одну, то другую группировку и не скупился на казни и ссылки видных вельмож, вплоть до своих близких родственников, что еще более усиливало недовольство части военной знати, чиновничьего сословия и духовенства.

Крайнюю непрочность внутреннего состояния ханства в этот период охарактеризовали многие авторы, в том числе автор «Мунтахаб-ат таворих» Мухаммед Хаким-хан Тюра¹.

В исключительно тяжелом положении находились широкие массы трудового народа, задавленного безграничным произволом ханских властей, непосильным бременем налогов и т. д.

В местных кокандских источниках, по известным причинам, приводится мало данных о разорительной налоговой системе и других формах феодальной эксплуатации крестьян и ремесленников. Однако отдельные сведения письменных источников о налогах, поборах и повинностях, о введении новых налогов, а также сам ход политической борьбы, свидетельствуют о резком усилении феодальной эксплуатации.

Основные средства производства, прежде всего земля и вода, находились, как и в других ханствах, в ведении и собственности феодального государства и отдельных феодалов. Широко практиковалось пожалование земель в пользу светских и духовных феодалов. В письменных источниках часто упоминаются факты о пожаловании отдельных селений, крепостей и местностей представителям феодальной знати, которые взыскивали в свою пользу (полностью или частично) земельные и другие налоги с сидящих на этих землях крестьян.

---

¹ Мухаммед Хаким-хан Тюра, Мунтахаб-ат таворих, ркп. ИВ АН УзССР, № 592, л. 671б.

По сведениям одного кокандского источника, вся светская и духовная знать, по существовавшим обычаям, присваивала херадж в размере 1/5 части урожая, потанапный налог (танабона) и другие налоги с находящихся в их владении земель и садов. В казну государства с этих земель поступала лишь та часть хераджа и потанапного сбора, которая взыскивалась с крестьян сверх указанного размера, если это было установлено государством.

Эти данные приводятся автором в связи с еще большим усилением налогового пресса при кратковременном правлении в Коканде бухарского эмира Насруллы (1842). В указанном источнике говорится: «В каждом городе [Кокандского ханства] было несколько кадиев, муфтиев и раисов. Всех их [бухарцы] сместили с должностей. Вместо них прибыли и сели кадии, муфтии и раисы из Бухары, которые занялись судопроизводством, решением юридических вопросов и надзором за нравственностью и торговлей на базарах. Прекратили выдачу содержания и жалованья войску и военным людям и отобрали от них все арыки и кишлаки, доходы с которых находились в их распоряжении на основании берата и на которые они кормили свои семьи и лошадей. Добрый и желанный обычай их пресекли»².

«Далее,— пишет тот же автор,— в Фергане с древних времен существовал имевший силу закона обычай, [по которому] улемы, кадии — богомольцы за здравие высокой державы, войско и военные люди были освобождены от [уплаты] пятины [херадж-и панджяк] и потанапного налога на виноградники, посевы люцерны и древесные насаждения. Поэтому никто из них не давал ни одного фельса (мелкая монета.— Р. Н.), ни одного дирхема султанским чиновникам и административным лицам. Во время раздела потанапного налога и выдачи бератов на [получение] продуктов этого хераджа и потанапного налога оставляли владельцам [в указанном размере] и отдавали [государству] оставшуюся часть хераджного и потанапного налога. Если получаемые кем-нибудь херадж и потанапный налог соответствовали установленному в государственной книге размеру постоянного берата и потанапного налога, тогда ничего не вносили [в казну государства]»³.

Отсюда видно, что сборщики налогов оставляли тому или иному землевладельцу определенную часть налога, а остальное отправляли в государственную казну. Это делалось, очевидно, на высокоурожай-

² Мирот-ал фтух, ркп. проф. А. А. Семенова, стр. 46. В 1947 г. ныне покойный Александр Александрович Семенов любезно передал нам эту рукопись для ознакомления, и нами были сделаны из нее соответствующие выписки (рукопись тогда же была возвращена владельцу). (См. об этом источнике статью Л. А. Зимина «Зерцало побед» и его значение для истории Кокандского ханства», Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год 17, Ташкент, 1913, стр. 31—38.

³ و دیگر در دیار فرغانه از قدیم الا یام رسم یاسا چنان جاری شده بود که علما و قضاة و دوعاگویان دوات علیه و سائر سپاه لشکریه خراج پنج یک ایشان و طنابانه؛ تاک و علف و اشجار آنهارا معان و مرفوع القلم گردانیده بودند از این وجوه احدی یگان فلوس و درم بگماشته گان سلطانی و متصدیان جهانبانی نمی دادند در وقت قسمت طنابانه و اعطای برات غلات آن خراج و طنابانه را یتن او گذرانیده باقی مانده خراج و طناب او را میدادند و اگر خراج و طناب کسیکه ببرات و طنابانه مقرر در دفتر پادشاهی برابر آید دیگر چیزی نمیدادند

ных землях, для которых земельный налог—херадж и танабона—был определен в государственных книгах в значительно большем размере, чем налог, получаемый землевладельцами. В данном случае крестьянин выплачивал ренту-налог и непосредственно землевладельцу, и феодальному государству.

Размеры хераджа доходили в Кокандском ханстве до 1/3 части урожая⁴ и более.

Несмотря на наличие многих видов налогов и повинностей и обеспеченность военной знати большими доходами от пожалованных и принадлежавших им земель и оросительной сети, в правление Мухаммеда Али-хана был введен новый военный налог «улау пули». Автор «Тарихи Шахрухи» Мулла Нияз Мухаммед сообщает: «В восьмом году правления [Мухаммед Али-хана]⁵ назначили Исабека андижанского на должность мехтера столицы и он явился учредителем нового налога — улау пули, взимаемого с населения каждым отрядом (кушун) ханского войска»⁶.

По имеющимся данным, Мухаммед Али пытался увеличить зякет, получаемый с торговых караванов и со скота, распространив его на всякое движимое и недвижимое имущество.

«Около полувека тому назад,— пишет А. К. Гейнс,— Мадали хан сделал попытку заставить своих подданных уплачивать ежегодно 1/40 часть со всего движимого и недвижимого имущества, но по слабости Мадали хана на практике попытка эта не имела успеха»⁷.

Здесь следует учесть, что зякет, согласно шариату, должен взиматься с имущества, стоимость которого превышает 40 тилля⁸, и попытка многих правителей Коканда, в том числе Мадали-хана, получить зякет «со всего движимого и недвижимого имущества» несомненно вызывала недовольство народных масс, ибо, очевидно, требовалось внесение зякета с имущества, стоимость которого была меньше 40 тилля.

Нам пока еще трудно определить всю налоговую систему и многочисленные виды налогов Кокандского ханства в период правления Мухаммеда Али, однако высокий размер земельных налогов, взимаемых как в пользу землевладельцев, так и в пользу феодального государства, введение нового военного налога, попытка распространения зякета на все имущество ясно говорят о значительном усилении налогового пресса при Мухаммеде Али.

Если прибавить к этому господство откупной системы (по крайней мере для многих сборов) в правление последних кокандских ханов, о чем имеются прямые сведения и что, несомненно, практиковалось при Мадали-хане, то картина становится более ясной.

⁴ См., напр., А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве, в кн.: «Собрание литературных трудов А. К. Гейнса», т. II, СПб., 1898, стр. 480.

⁵ Восьмой год правления Мадали соответствует 1829/30г.

⁶ *درسال هشتم از جلوس عسی بیکت اندجانی را بهمتری دارالسلطنت منصوب گردانیدند و سبب بدعت اولاولی که در هر قوشون خان از فقرا میستانند اوبود*

Мулла Нияз Мухаммед бин Ашур Мухаммед, Тарихи Шахрухи, Казань, 1885, стр. 113.

⁷ Собрание литературных трудов А. К. Гейнса, т. II, стр. 721.

⁸ Там же, стр. 490. Цифра, выражающая предельную стоимость имущества, не облагаемого зякетом, и называемая *несаб*, в среднем определялась в 200 дирхемов (см. там же, стр. 702).

Еще русские авторы 60-х годов XIX в. отмечали, что господство откупной системы, порождавшей всякие злоупотребления, тяжело отражалось на положении беднейшей части населения ханства.

Так, А. К. Гейнс писал: «Даже в Европе откупная система сборов... ложится крайне тяжело на беднейший класс. Тут же [в Кокандском ханстве], где привычка к насилию и злоупотреблениям, с одной стороны, и равнодушие в перенесении произвола, с другой—так обыкновенны, подобные сборы давали повод к беспорядочной, неуловимой и не поддающейся контролю эксплуатации народа»⁹.

На материальном положении населения ханства тяжело отражался широко применявшийся принудительный труд на различных стройках. Автор «Тарихи джадидаи Ташкент» Мухаммед Салих сообщает, например, что в период правления Мадали проводились значительные работы по очистке и расширению оросительной сети в ханстве, в том числе в районе Ташкента и якобы Ура-Тюбе.

В Коканде и других городах хан и феодальная знать строили многочисленные дворцы, медресе, мечети и иные крупные здания, разбивали красивые загородные сады с дворцами и т. д.¹⁰ Все это выполнялось силами трудящихся.

В этом отношении очень ценны сведения автора «Хуласат-ул ахвал» Убайдуллы Мухаммеда. В 1239 (1824) г. х. он вместе с ташкентским лашкар кушбегием (в качестве его мирзы) прибыл в Аулиэ-Ата и посетил зиндон (тюрьму) по просьбе одного заключенного, арестованного по указанию Мухаммед Али-хана. Арестант прежде служил в библиотеке главного везира ханства Хаккули мингбаши.

Причины своего вынужденного перехода на службу к представителям власти он объясняет следующим образом: «Вместе со своей несчастной матерью мы притаились в уголках своей комнаты вследствие нужды и голода, сверх того, эти невежды, постоянно приходя, требовали суммы махаллинского сбора *پل محله* и рабочих *مرد کار* и занялись омрачением этого разбитого. Поэтому, приехав в город Коканд, я поступил [на службу] при дворе этих сипаев и везиров под предлогом писаря»¹¹.

По словам этого узника, выходца из Ходжента, там могли спокойно жить только две категории людей: либо те, кто служил у правителя, везира или эмира и добился высокого положения, либо «невежды»—сборщики налогов, сгонявшие людей на принудительные работы, собирающие для этого у населения орудия труда и имевшие право совершать над ним ужасные издевательства¹².

В этих высказываниях ясно говорится о тяжести собираемого с городских кварталов «махаллинского сбора», суть которого нам пока еще не известна, и принудительной трудовой повинности. Если даже автор этого сочинения, принадлежавший к духовенству, прекрасный чтец корана, жалуется на тяжелую жизнь, то само собой понятно, что трудящиеся массы жили в совершенно невыносимых условиях.

Беззаконие и произвол ханской власти не могли скрыть в отдельных случаях даже феодальные историки. Соответствующие примеры

⁹ Собрание литературных трудов А. К. Гейнса, т. II, стр. 720—721.

¹⁰ Мулла Нияз Мухаммед бин Ашур Мухаммед, указ. соч., стр. 113.

¹¹ Абу Убайдулла Мухаммед, Хуласат-ул ахвал, ркп. ИВ АН УзССР, № 2084, л. 24а. См. об этом сочинении: А. Урунбаев, Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства», «Известия АН УзССР», серия общественных наук, 1957, № 3, стр. 33—38.

¹² Хуласат-ул ахвал, л. 23б.

могут быть приведены из разных периодов господства кокандских ханов и различных областей социально-экономической и политической жизни страны. Так, кокандский хан Ирдо-набий в середине XVIII в. во время одного из походов на Ура-Тюбе, истребив огромное количество ни в чем не повинных людей из племени юз, сложил пирамиду из их голов, а вверху ее положил голову известнейшего в то время певца и музыканта, слава о котором вышла далеко за пределы ханства. На озверелого Ирдо-ну не подействовал даже приятнейший голос певца, певшего песни в плену в надежде на спасение. Мулла Аваз Мухаммед с гневом замечает, что «в то время перед Ирдоной были одинаковыми крик осла и мелодичный напев»¹³.

Умар-хан — поэт, «представитель культуры», покровитель многочисленных придворных поэтов, в 1820 г., наступая на многострадальный Ура-Тюбе, не постыдился предать огню пшеничные поля.

«Эмир, — пишет участник этого похода Хаким хан Тюра, — в конце концов убедился в трудности обнять невесту этой области. Мы на следующий день по неволе отошли оттуда (т. е. из-под стен Ура-Тюбе. — Р. Н.) и прибыли к подножию ура-тюбинских гор. В то время как раз был период созревания пшеницы. Пшеница выросла такая, что если бы лошадь с человеком вошла в нее, то их не было бы видно. [Эти-то пшеничные поля] и приказал поджечь Умар-хан. Разгорелся такой огонь, что сжег все дотла.

В течение трех дней и ночей от рук [многочисленного], словно муравьи и саранча, войска в деревнях не осталось ни дома, в садах — ни дерева, в степи — ни пашни. Горы столь очистили от всяких щепок и сора, что там не осталось ничего, кроме праха и камней»¹⁴.

Даже в мирное время, например, при выполнении различных строительных работ, произвол ханской власти не знал пределов. Трудно подобрать подходящие слова для описания того варварства, которое совершалось в те времена над бесправным народом.

Достаточно привести хотя бы следующий факт. Во время проведения канала Улуг Нахр [الغ نهر], строившегося по приказу Худояр-хана, на одном из участков произошел прорыв подземных вод. Тогда ханские чиновники, следившие за ходом строительных работ, отобрали из числа землекопов всех людей, носивших имя «Тухтасин» (букв. «пусть остановится»), и живьем положили их в землю на месте прорыва, суеверно полагая, что это остановит прибывающую воду.

Кокандские авторы, в частности Мулла Мирза Алим, излагая события, происходившие в ханстве в период правления Мадали, характеризуют его как совершенно разложившегося правителя, которого больше всего интересовали женщины, вино, голуби, охота на куропаток и т. д. Умных же государственных деятелей хан отстранял от власти¹⁵.

Хаким-хан с презрением пишет, что «Мухаммед Али-хан считал для себя лично необходимым всякое дело, отвергаемое творцом и народом, и совершал гнусные преступления. Одно из них состояло в том, что он сделал двух грязных, непотребных женщин — Хушхал дадхи и Бибиназ, известную под кличкой Ашула, полновластными повелительницами Ферганского государства. Обе богомерзкие женщи-

¹³ Джунайд Мулла Аваз Мухаммед ибн Мулла Рузи Мухаммед суфи, Тарихи джахан намон, ркп. ИВ АН УзССР, № 9455, л. 29а.

¹⁴ Мунтахаб-ат таворих, л. 4266—427а.

¹⁵ Мулла Мирза Алим бин домула Рахим, Ансаб-ас салотин ва Таворих-ал хавокин, ркп. ИВ АН УзССР, № 7515, л. 236.

ны с большой пышностью отправлялись по домам мусульман и, таща за волосы, уводили обитавших за завесой целомудрия жен и дочерей, пришедшихся по душе этим бессовестным. А с тех, которые не пришлось по злополучному нраву этих двух нечестивцев, они брали деньги. Все мусульмане, ради спасения чести, с полной готовностью платили золотом, сколько с них ни запрашивали. В короткое время обе нечестивцы столь разбогатели, что ни у одного из ферганских эмиров не было такого богатства, как у этих окаянных. Обе неправедные женщины собирали жен и дочерей мусульман у себя на дому, затем приводили их к Мухаммед Али-хану. Тот, окаянный, нескольких подводящих оставлял при себе, а остальных приказывал, чтобы те две непотребные женщины отводили к себе и всех — женщин и девушек — обучали играть и петь, пока они хорошо не усвоят дело забав и увеселения. Обе потерявшие честь большей частью уводили мусульманок к себе, некоторых помещали в ряды продажных женщин, а остальных, взяв с них деньги, отпускали. Обе окаянные целый год только и занимались этим делом»¹⁶.

В. Наливкин, говоря о насилиях хана и его нукеров над населением, писал: «Ханские нукеры хватают девушек чуть ни на улицах; одним из них удается откупиться; другие попадают на некоторое время в Урду. Не обходится, конечно, и без того, чтобы нукеры, одобряемые и ободряемые ханом, не пошаливали бы и на свой пай, но от имени хана»¹⁷.

Жестокий феодальный гнет, непрерывный рост «законных» и незаконных налогов, поборов и податей, дикий произвол власть имущих, гнусные поступки и развратное поведение хана и его приближенных вызывали всеобщее возмущение угнетенных масс, нередко вылившееся в открытые восстания, «бунты черни».

Имеющиеся в нашем распоряжении источники сообщают о нескольких народных восстаниях, происшедших в Коканде в конце правления Мадали-хана. Первое из них вспыхнуло в 1256 (1840) г.х., когда бухарский эмир в ультимативной форме потребовал передать ему часть территории Кокандского ханства, и растерявшийся Мухаммед Али согласился отдать эмиру Ходжентскую область.

По рассказам Хаким-хана Тюра, когда перепуганный кокандский хан не знал, что предпринять против бухарских войск, к нему зашел медник Ходжа Каландар (до этого работавший прислугой у Хаким-хана и считавшийся непревзойденным мастером своего дела) и попросил хана уступить ему свое место на один день. В этом случае он обещал отразить наступление бухарских войск. Растерянный хан немедленно удовлетворил его просьбу. Ходжа Каландар, выйдя от Мадали-хана, объявил по всему городу о получении однодневной власти и призвал население собраться для обсуждения дальнейших действий¹⁸.

¹⁶ Мунтахаб-ат таворих, л. 640.

¹⁷ В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 133.

¹⁸ دران وقت بود که حاجی قلندرام مسگر که خزمتکاری فقیر بود اورا پیش از خود از شام شریف رخصت داده فرستاده بودم درعلم مسگری نظیر و عدیل نداشت همان وقت بلا توقف به پیش محمدعلی خان درامده گفت که یکروزه حکم خود را اگر بمن دهید لشکر منغیت را بیخلاف از سر شما دفع میکنم از آنجا که عقل هوش از سر محمدعلی خان رفته بود بلا اہمال انگشت قبول بدیده نہادہ گفت بتو دادم چون مسگر از پیش آن ابلہ برامده منادی کرد کہ

По призыву Ходжи Каландара собралось так много людей, что такого количества, по сообщению источника, никто не видел ни на одном торжестве и празднике, «подобного дня долго просили от бога, однако не нашли его» до сих пор¹⁹.

Народ давно ждал удобного случая для выступления против ненавистного хана и его приспешников, и теперь, воспользовавшись благоприятным моментом, напал на дома тех чиновников, которые творили безграничные насилия и издевательства над населением. Было разорено 18 домов приближенных Мухаммед Али-хана, а те из них, которые попали в руки народа, были убиты.

Автор «Тарихи джахан намои» так описывает эти события: «Медник Ходжа Каландар поднял всеобщее восстание. Взяв себе в товарищи несколько тысяч босоногих бедняков, он разграбил 18 дворов, принадлежавших приближенным надимам Мухаммед Али-хана, ... [так что] в стенах ни осталось ни камня, ни комка земли»²⁰.

По сообщению Хаким-хана Тюра, «надимы Мухаммед Али-хана что хотели, то и совершали с бедным населением в его государстве, и никто не дерзал прикоснуться рукой к поле их халатов. Внезапно простые жители, сделав нападение, разграбили дома 18 надимов хана. Так же разорили дом и убили Махмуда дастарханчи, который старался, чтобы Мухаммед Али-хан вышел навстречу эмиру Насрулле [по требованию последнего]»²¹.

«Коротко говоря,— пишет автор «Тарихи джахан намои»,— восстание этого медника близко к часу предзакатной молитвы приобрело такую силу, что даже мало-мальски почтенные люди, как из военных, так и из населения, запрятались по углам. Тех, кого находили, избивали. Особенно разорили дома тех двух распутниц, настолько, что сравнивали их с мостовой. Самих распутниц, хотя и искали, следов этих бессовестных женщин нашли мало. Бухарских послов он тоже приказал ограбить и их раздели до нага, а Хан Падшу Аийму, по зловредности которой произошли эти постыдные дела, нашли и отправили в дом ее отца — Саида гази ходжи. В тот день случились такие дела, что ни один раб [божий] подобных не видывал и не слыхивал»²².

میرما یکروزه حکومت خود را بمن ارزانی داده اند می باید فقرا جمع شود بمشاورت ایشان کار کنیم

Мунтахаб-ат таворих, л. 6566 — 657а.

این ندا بر تمام شهر رسید چنان مردم هجوم کرده بودند که در هیچ عید و نوروز¹⁹ کسی ندیده بود اینچنین روز را از خدا طلب میکردند نمییافتند

Там же, л. 657а.

حاجی قلندر نام مسگری بلوای عام نموده چندین هزار فقرای پای لوچ را بخود یار²⁰ ساخته هژده حوی* ندیم حاصص محمدعلی خانرا تاراج ویغما کرده فرستاد ... حتی که بتنه دیوارها نه سنکه مازند و نه کلوخ

Тарихи джахан намои, л. 157а.

القصة ندیمانیکه بر دولت محمدعلی خان بر سر فقرا بچه نوع حکم میکردند بکار²¹ میرفت آرای کسی نبود که دست او بدامن ایشان وسد بیکساعت فقرا هجوم کرده خانه* هژده ندیم را بتاراج بردند محمود دستور خانچی که محمدعلی خانرا به پیش امیر نصرالا سعی می نمود خانه* اورا نیز بتاراج بردند خود اورا بقتل رسانیدند

Мунтахаб-ат таворих, л. 657а.

²² Тарихи джахан намои, л. 157.

Нападение восставших на посольство бухарского эмира свидетельствовало о том, что народ Коканда ненавидел не только Мадали-хана и его окружение, но и бухарского эмира, распространение власти которого на Фергану не сулило ничего хорошего ее населению, кроме нового разорения и убийства людей.

Население самого Бухарского ханства было настолько разорено, что, по образному народному выражению, от рук Насруллы «в Бухаре сохранились только бумажные змеи из числа летучих птиц и гроб из четвероногих животных».

Жители Коканда прекрасно понимали, что бухарская знать ничуть не лучше кокандской. Характерно, что даже Хаким-хан, находившийся в длительной ссылке в далеких странах и получивший от Насруллы различные милости, все-таки счел уместным привести в своем труде, в связи с нападением восставшего народа на посла эмира Насруллы, следующие стихи шейха Саади:

„Если правитель съест одно яблоко из сада своих подданных,
То гулямы его выкорчевывают саму яблоню с корнем.
Если правитель берет у населения пять яиц незаконно,
То его воины нанижут на вертел тысячи кур народа“²³.

Народное волнение приняло всеобщий характер²⁴. Восставшие окружили двор хана. Испуганная правящая верхушка потребовала от хана принять срочные меры. Его убеждали, что если не погаснет огонь восстания, то все будет разорено²⁵.

Восстание было подавлено с большим трудом. Характерно, что восставший народ, по словам источника, не разрешил «своему эмиру», т. е. руководителю восстания Ходже Каландару, перейти к бухарскому эмиру после подавления восстания²⁶.

Правящая верхушка ханства была столь потрясена и напугана этим восстанием, что Ходжу Каландара забрали обманным путем и казнили ночью, втайне от народа²⁷. Ханская власть не в силах была открыто выступить против восставшего народа.

Однако Мадали-хан и его окружение продолжали прежнюю политику произвола и насилий. Более трезвых эмиров, предупреждавших хана о пагубности его действий, устранили и предавали казни. Положение в стране все более ухудшалось, усиливалась и угроза грабительского нападения бухарских войск. В этой тяжелой обстановке ханство фактически разделяется на две части и управляется двумя братьями²⁸.

Все это вызывает вскоре новое выступление народных масс. По сведениям Хаким-хана, многотысячная толпа восставших собралась у

²³ Мунтахаб-ат таворих, л. 657б.

²⁴ لوائ عام شد Там же.

²⁵ اين آتش را فرانشنايد عالمي بتاراج خواهد رفت Там же.

²⁶ Там же, л. 657б.

²⁷ اين خيبر متواتر بسمع محمد علي خان رسيدن گرفت وقت قريب نماز عصر كس فرموده
يخيله و نيرنگ حاجي را بدست دراورده بكهنه آورده كه ميرشب خانه محمدعلي خان بوو
حالا جاي آن بازار نو است مقيد زندان گردا نيدن و همان شب باسفل السا فيلين روانه ساختند.

Тарихи джахан намой, л. 157б.

²⁸ Ташкент с Южным Казахстаном, Курама и Ходжентская область до Гурум-Сарая перешли в управление брата Мухаммед Али—Султана Махмуда, остальная часть ханства осталась под властью Мадали (Мунтахаб-ат таворих, л. 657).

ворот дворца Мухаммед Али-хана. О том, что это были трудящиеся, говорят следующие строки двустишия, приведенного Хаким-ханом:

„Подонки общества отняли власть у одного из правителей“²⁹.

Слова «подонки общества» («اوپاشلار») в устах крупного представителя феодального класса совершенно четко характеризуют социальную принадлежность движущих сил восстания.

Узнав о новом крупном восстании народных масс, крайне напуганный Мадали-хан, боясь потерять не только власть, но и жизнь, послал к народу бывшего правителя Ташкента—лашкара кушбеги и Гадайбая парваначи, уполномочив их согласиться со всеми требованиями восставших. Сила восстания была настолько грозной, что хан вынужден был бежать из Урды и укрыться в местности Ермечеть, под Кокандом³⁰.

Когда эмиры спросили восставших о причине волнения, народ ответил: «Насилия и притеснения, которые мы испытали в течение нескольких лет от нашего эмира, ни при одном государе не видел и не слышал ни один народ. Эти слова яснее солнца. При наличии столь сильного тиранства [в отношении нас] бухарские улемы вынесли приговор о безбожии его [хана] за его темные дела, обвинили и нас в безбожии»³¹.

«Говорят,— пишет далее автор,— что в то время один курильщик опиума, человек совсем слабый, находился в той толпе. Он громко выкрикивал: «Мухаммед Али-хан! Вы хотя собираетесь отправиться в ад, все-таки пожираете белые женские тела, а мы теперь должны умереть зря...»³².

По словам Хаким-хана, восставший народ требовал якобы только расторжения позорного брака хана с Хан-Падшой и устранения ее из гарема, что и было немедленно выполнено ханом. Такое требование

29 مرد مانیکه در تدبیر این کار بودند شیندند همه متق الفظوالمنی گشته بلوای عام نموده
یور آورده* محمدعلی خان چندین هزار کس مجتمع شده آمدند
اولدی مغلوب هوای اقل ایسیغلائی نتمس
آلدی بر حاکم ایلیدین اختیار اوپاشلار

Мунтахаб-ат таворих, л. 659б.

30 چون این خبر بآن ناپاک رسید از بیم لرزه بر اندامش افتاد دانیست که این دفعه
فقرا کار او را خواهند کرد بنابراین لشکر قوشبیگی از تاشکند معز ول شده آمده بود او را
بگدای بای پروانچی در پیش فقرا استقبال بر آوردو گفت هر چیزی که فقرا فرمایند قبول
کنید و خود براه دیگر بجایب یرمسجد رفت شکارگاه او بود گر ریخت

Там же, л. 660а.

31 چون هر دو امارت پناهان به پیش فقرا بر آمدند سبب جمع آمدنرا پرسیدند فقرا جواب
دادند که ظلم هائیکه در میان این چند سال ما از میر خود کشیدیم هیچ فقرا در عصر هیچ
پادشاه ندیده است و نشنیده است این سخن اظهار من الشمس است باوجود انیقدر ظلم علمای
بخارا... حکم بر کفر کرده اند در کسافت او... نیز بتفکر ماحکم کرده اند

Там же, л. 660б.

32 گویند دران وقت کوکناری* بود در کمالی ضعیفی دران مجمع حاضر بوو باواز بلند
منادی کرده میگفت محمد علی خان شما کرای جهنم رفتن... سفیدی میخورید میروید مادرین
عیان مفت و رایگان گوه خورده میرویم می

Там же, л. 660б.

могло быть выдвинуто, потому что в данное время основным поводом наступления бухарского эмира был именно факт позорного брака хана со своей мачехой. Расторжением этого брака население Коканда стремилось предотвратить нападение Насруллы.

Однако всеобщий ответ восставших и весьма гневные выкрики в адрес «высокого двора» говорят о том, что у трудового народа были и другие, более серьезные требования, которые не приводятся в феодальной историографии.

По сведениям того же Хаким-хана, население Ферганы помышляло об убийстве Мухаммед Али-хана. Но их удерживала от этого якобы боязнь мести со стороны его наследников. Они не хотели также прихода к власти в Фергане человека из соседних государств. «Поэтому,— пишет далее автор,— не находя решения своих вопросов, поневоле ошеломленное и расстроенное население Ферганы вместо пищи выпивало чашу за чашей кровь [своего] сердца и, таким образом, проводило жизнь»³³.

В источниках не указана дата второго восстания. Однако Хаким Тюра сразу же после описания этого восстания сообщает о получении известий в Коканде о новом выступлении Насруллы, датированном 1257 (1841) г. х. Следовательно, второе восстание произошло, очевидно, в 1841 г.

Следует отметить, что в дореволюционной и даже в советской литературе приводятся весьма краткие и порою неверные сведения о народных восстаниях, происходивших в конце правления Мадали-хана, хотя эти волнения угнетенных масс довольно четко характеризуются кокандскими источниками. Быть может, здесь и не вполне уместно останавливаться на освещении этого вопроса в работе В. Наливкина, изданной в 1886 г. Однако в целях правильного освещения столь важных событий мы считаем необходимым высказать свое отношение к оценке этого вопроса не только в советской, но и в дореволюционной исторической литературе.

Прежде всего надо сказать, что Наливкин не отрицает большого недовольства и в отдельных случаях активных действий народных масс против кокандского хана, но, будучи представителем класса буржуазии, он не мог подойти к событиям с точки зрения классовой дифференциации и классовой борьбы. Поэтому он, естественно, не мог вскрыть все социально-экономические причины этих выступлений трудящихся масс против насилий феодалов во главе с ханом.

По мнению Наливкина, и некоторые эмиры, и духовенство, и народные массы были одинаково недовольны только поведением хана. Различные причины недовольства указанных слоев не могли быть предметом тщательного изучения дореволюционных исследователей, в том числе В. Наливкина.

В рассматриваемый период часть светской и духовной знати действительно была недовольна поведением хана. Однако это недовольство возникало как в данное время, так и во все времена господства фео-

³³ تامل اهل فرغانه بر ظلم محمد علی خان این بود که اگر اورا بقتل رسانند باین خاندان خوندار خواهند شد مثل برادر یافر زند آن هر کدام ایشان بجای اوقرار گردند خون اورا خواهند ظلمید و اگر از مردم بیگانه بخود پادشاه کنند اورا نیز قبول نمیکردند بنابراین لاعلاج کار خود را به هیچ تدبیر نیافته حیران و سرگردان هر روز بجای غذا کاسه کاسه خون دل میخورند و عمر بس میبروند

дализма прежде всего на почве борьбы отдельных группировок внутри класса феодалов, особенно тогда, когда верховный правитель окружал себя одними феодальными группировками в ущерб интересам других.

Если Умар-хану удалось как-то учесть интересы основных группировок и осторожной политикой в известной мере предотвратить их активные действия, то его сын Мухаммед Али на всем протяжении своего правления был запутан в интригах феодальной знати, следствием чего были частые казни и отстранение от власти многих видных представителей правящей верхушки. При таком положении личное поведение хана осуждалось и в среде обиженных феодальных кругов.

Некоторые попытки Мадали-хана показать себя в глазах духовенства и охваченной религиозным фанатизмом части населения истинным мусульманином, когда в его адрес посыпались обвинения в богоотступничестве, не могли устранить растущего недовольства. Об этих попытках свидетельствует, в частности, появление в то время трех крупных мазаров в Фергане, приносивших огромные доходы знатым шейхам и ходжам.

По рассказам источников, некий «глупый мошенник» по имени Ишан Шайхча из Наманганской области привез из Индии тонкую траву, похожую на человеческие волосы, объявил ее благословенными волосами пророка и, обманывая народ, стал брать за нее деньги³⁴. Воспользовавшись глупостью Мухаммед Али-хана, который, как правильно отмечал В. Наливкин, «был не чужд некоторой доли ханжества и суеверия», Ишан Шайхча передал ему эту траву за хорошее вознаграждение. Мадали-хан поместил ее во дворце Умар-хана, в Урде, превратив его в место паломничества³⁵.

Мутаваллием этого мазара в ханском арке был назначен наиболее видный представитель кокандского духовенства, «наставник всей кокандской знати», выходец из Маргинана (Маргелана)—Ишан Махмуд. Наплыв паломников в цитадель был столь велик, что мазар пришлось перенести в селение Кара-Тепе. В торжественном переносе «святыни» участвовали все улемы, эмиры, шейхи, ходжи и толпы верующих, а также сам хан. Селение Кара-Тепе было переименовано в Муйи-Мубарак. Здесь всегда собиралось много народа³⁶.

Вскоре подобный мазар появился в Маргелане³⁷, а затем и в Коканде, у некоего Азимджан-бая.

Надо сказать, что наиболее передовые люди уже тогда выражали протест против наглого обмана народных масс алчным духовенством, поощряемым ханской властью. Вероятно, вскоре народ начал понимать мошенничество духовенства, так как еще при жизни Мухаммед Али-хана установленные на этих мазарах многотысячные бунчуки, по словам историка, были снесены кокандскими ветрами³⁸.

Но прежде всего острое недовольство народных масс вызывалось усилением феодального гнета и ханского произвола, чего не могли отрицать даже феодальные историки, освещавшие главным образом отдельные стороны политической истории этого периода.

В. Наливкин, говоря о восстании народа в Коканде в конце правления Мухаммед Али-хана, тенденциозно не хотел признавать, что оно было направлено не только против опозорившего себя в глазах народа хана, но и против окружающей его знати. Наливкин проходит мимо

³⁴ Мунтахаб-ат таворих, л. 646б.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 647.

³⁷ Там же, л. 647а; Тарихи джахан намон, л. 152б.

³⁸ Тарихи джахан намон, л. 153а.

факта нападения восставших народных масс на дома 18 ханских надимов, хотя об этом свидетельствуют использованные им кокандские источники. Он не пишет и об ограблении восставшими домов тех ханских приспешников, которые в целях обогащения насильно хватали девушек в домах и на улицах и доставляли их в ханский гарем, хотя и упоминает сам факт этих насиллий. Руководителя восстания, талантливый мастера-медника Ходжу Каландара В. Наливкин называет «проходимцем»³⁹.

Это восстание вкратце описал в своей работе проф. Булат Салиев⁴⁰. Он также не отрицает участия народных масс в восстании и отчасти солидаризируется с В. Наливкиным, который писал, что «громадная толпа мужичья, мастеровых, только разбежавшихся из своих частей солдат и другого тому подобного люда бросается грабить город»⁴¹. Однако, если Наливкин говорил об участии «мужичья», видимо окрестных крестьян, то Б. Салиев, ссылаясь на Наливкина, упоминает только об участии мелких ремесленников и разбежавшихся из своих частей воинов, не упоминая об участии крестьян⁴².

Б. Салиев соглашается с Наливкиным в том, что восставшие якобы «ограбили город» («шахарни талашга керишдилар») ⁴³. В этом вопросе оба они без глубокого разбора повторяют выражение феодальных авторов. Внимательное же изучение фактов убедительно показывает, что феодальные историки называют «ограбление города» нападение восставших на дома наиболее ненавистных представителей знати.

Нельзя согласиться и с утверждением Б. Салиева о том, что население, недовольное Мадали-ханом и его окружением, якобы пригласило бухарского эмира⁴⁴. Этот домысел опровергается действиями самих восставших, организовавших нападение на послов эмира Насруллы, чего не отрицает и Б. Салиев.

В действительности среди кокандской знати была группировка, ориентировавшаяся на Бухару. Об этом прямо пишет Мулла Мирза Алим: «Несколько доброжелателей, между прочим, послали заявление бухарскому эмиру»⁴⁵. По сообщению автора «Мукаммал тарихи Фаргона», это послание было направлено военачальниками⁴⁶. По-видимому, к бухарскому эмиру обращались некоторые кокандские эмиры и часть духовенства, прежде всего выходцы из Бухарского ханства.

Обращает на себя внимание предположение Б. Салиева, что руководитель восстания медник Ходжа Каландар действовал по поручению Хаким-хана, вражда которого с Мадали-ханом известна в литературе. Но как бы то ни было, социальная принадлежность Ходжи Каландара и движущие силы этого восстания известны, поэтому желание или сочувствие Хаким-хана не может изменить оценки классовой сущности кокандского восстания 1840 г.

Один из виднейших исследователей истории Средней Азии XVI—XIX вв. П. П. Иванов в своем обобщающем труде, в котором значительное место уделено (в специальной главе) истории Кокандского ханства, говорит об этом событии очень кратко: «В столице ханства Коканде произошла волнения». Указывая на глубокое недовольство народа правящей верхушкой ханства, он пишет: «В этом отношении

³⁹ В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, стр. 139.

⁴⁰ Б. Салиев, Узбекистон тарихи, Ташкент, 1929, стр. 114—115.

⁴¹ В. Наливкин, указ. соч., стр. 140.

⁴² Б. Салиев, указ. соч., стр. 115.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, стр. 114.

⁴⁵ Тарихи салотин, л. 236.

⁴⁶ Мукаммал тарихи Фаргона, ркп. ИВ АН УзССР, № 57, стр. 107.

чрезвычайно показателен тот факт, что в критический момент, когда бухарские войска пошли в апреле 1842 г. на штурм столицы, «кокандская чернь» бросилась грабить город»⁴⁷.

П. П. Иванов имеет в виду здесь сведения автора «Тарихи джахан намои» о том, что во время штурма города войсками Насруллы в 1258 (1842) г. х. «подонки общества» («чернь»), восстав в квартале Калбак, нападали на дома и сады. По сведениям того же автора, в этой части города находился Ханкелды Мирза — сын Мухаммед Шарифа аталыка (служившего эмиру Насрулле) с наманганскими войсками и войском Тюра-Кургана. В связи с волнениями жителей Калбака Ханкелды Мирза вынужден был оставить город⁴⁸. Восстание черни в этом районе Коканда, очевидно, было направлено против указанного военачальника, который вместе с отцом способствовал нападению эмира на Коканд.

Таким образом, П. П. Иванов далеко не полно освещает важные события 1840—1842 гг. и не раскрывает их содержание.

Что же касается двух изданий «Истории Узбекской ССР», то там лишь буквально в нескольких строчках говорится о событиях 1841 г., однако ни социально-экономические причины, ни весь ход событий, ни оценка движущих сил восстаний 1840—1842 г. в силу их неизученности остались неосвещенными⁴⁹.

Мы надеемся, что данная статья послужит началом более глубокого изучения социально-экономических предпосылок, хода и сущности народных движений, происходивших в Коканде в 40-х годах XIX в.

Р. Н. Набиев

1840—1842 ЙИЛЛАРДА ҚЎҚОНДА БЎЛИБ ЎТГАН ХАЛҚ ҚЎЗГОЛОНЛАРИ

Мақолада автор кўпгина манбаларни ўрганиш асосида Муҳаммад Алихоннинг даврида (1822—1842) Қўқон хонлигидаги феодал зулми остида эзилган халқ оммасининг жуда ҳам оғир аҳволда яшаганлигини кўрсатади ҳамда 1840—1842 йилларда Қўқонда бўлиб ўтган оммавий қўзғолонларнинг бориши ва характерини адабиётимизда биринчи бўлиб тавсифлаб беришга ҳаракат қилади.

⁴⁷ П. П. Иванов, Очерки истории Средней Азии, М. — Л., 1957, стр. 208.

⁴⁸ *Дран اثنا چندی از اوباشان بی باش رفته بچندی باغ و حوالی انداخته خود هارا از گذر محله؛ کلبک بر اور دند و در آنجا خان کیلدی میرزا ولد محمد شریف اتالیق بالشکر نمنگان و توره قورغان خوابیده بود پدرش محمد شریف اتالیق از جانب منغیت می آهد رعایه آنرا رموده راه گریز پیش گرفت*

Тарихи джахан намои, л. 161а.

⁴⁹ См. „История народов Узбекистана“, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1947, стр. 171; „История Узбекской ССР“, т. I, кн. вторая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 51.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

4

1977

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

О КОЛЛЕКЦИИ ФЕРГАНСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Одним из недостаточно изученных периодов в истории Средней Азии последних веков до присоединения ее к России до сих пор остается история восточных областей государств Шейбанидов и Аштарханидов, а также история Кокандского ханства. При наличии значительного количества рукописных источников и множества разнообразных сведений русских авторов (главным образом XIX в.), еще два-три десятилетия назад не был известен ряд важных документальных материалов, непосредственно относящихся к истории этих районов.

К настоящему времени выявлены новые ценные документы, которые уже изучены и отчасти введены в научный обиход. Это 37 документов, найденных в фондах фундаментальной библиотеки Казанского университета¹, часть подлинных документов карасканских землевладельцев, обнаруженных в ЦГА УзССР, и копии этих документов (146 шт.), хранящиеся в Институте востоковедения АН УзССР. Часть архива Худояр-хана (около 5 тыс. документов) была выявлена еще П. П. Ивановым в фондах библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде². К этому надо прибавить определенное количество документов по Ура-Тюбе, частично изданных³, а отчасти подготовленных к изданию⁴.

Одним из почти не изученных и весьма сложных аспектов истории Кокандского ханства остается вопрос о вакфной собственности. Между тем без основательного изучения удельного веса вакфных владений в структуре феодальной собственности, их основных черт, форм и методов эксплуатации крестьян в этих владениях трудно получить всестороннее представление о социально-экономической жизни края в феодальную эпоху.

Вопросы, связанные с вакфным владением в Ферганской долине и на всей территории Кокандского ханства указанного времени, специально не исследованы и в источниковедческом плане. При царизме вакфные вопросы в целом по Туркестану изучались прежде всего в правовом аспекте⁵.

¹ См.: Р. Н. Набиев. Новые документальные материалы к изучению феодального института «суюргал» в Фергане XVI—XVII вв., Известия АН УзССР. Серия общественных наук, 1959, № 3, стр. 23—32; его же. Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII веках, Известия АН УзССР. Серия общественных наук, 1960, № 3, стр. 25—34.

² Р. Н. Набиев. Источники по истории крепостного права в Средней Азии, Археографический ежегодник за 1963 год, М., 1964, стр. 87—105; А. Жу в о м а р д и е в. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир, Тошкент, 1965, 180 стр.

³ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов, Записки ИВ АН СССР, т. 7, М., 1939, стр. 9; А. А. Троицкая. Каталог архива кокандских ханов XIX в., М., 1968; Р. Н. Набиев. Из истории Кокандского ханства, рукопись, ИВ АН УзССР.

⁴ Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVII—XIX вв. Составление, перевод и предисловие А. Мухтарова, М., 1963, 134 стр.

⁵ Ура-тенанинг ер-сув муносабатларига доир материаллар. Составление, перевод и предисловие И. Усманова, рукопись на узб. яз., ИВ АН УзССР.

⁶ В. П. Наливкин. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания, Ежегодник Ферганской области, т. III, Новый Маргелан, 1904, стр. 1—56; М. Ростиславов. Несколько слов о важности вакуфных документов «خط و قفہ» в историческом отношении, Туркестанские ведомости, 1873, № 21 и 42; его же. Заметки по вакуфному вопросу, там же, 1873, № 49; его же. Заметки (о вакфах), там же, 1873, № 50; его же. Очерк видов земельной собственности в Туркестанском крае, там же, 1874, № 5 и 19; Л. Зимин. Вакуфные документы, Туркестанские ведомости, 1910, № 285; М. Вирский. Медресе и мечети

В годы Советской власти изыскания в этой области проводились нашими учеными по Бухаре и Бухарскому ханству. Один из специалистов по истории Средней Азии М. Саиджанов еще в 30-е годы подготовил к изданию (в переводе на узб. яз.) важные документы мавзолея и ханаки Шейха Сайфибидина ал-Бахарзи в пригороде Бухары.

Впоследствии были изданы работы А. Хамраева, О. Д. Чехович, Р. Г. Мукминовой и др.⁷ Вопросы вакфа затрагивались в обобщающих публикациях и трудах, посвященных другим проблемам.

Напомним, что после присоединения Туркестана к России царская администрация края в соответствии со своей политикой осуществила ряд мероприятий в области земельно-водных отношений. Одной из весьма запутанных и сложных задач, серьезно затрагивавших интересы определенных слоев населения, прежде всего мусульманского духовенства, было «упорядочение» вакфного дела. Мероприятия царской администрации, осуществленные в этой сфере к середине 80-х годов, нашли свое отражение в «Положении об управлении Туркестанского края» 1886 г. Прежде всего оно обязывало держателей вакфных документов представить их в областные правления до 1 июля 1887 г. Не переданные к тому сроку документы объявлялись недействительными. Ряд параграфов ст. ст. 255, 265, 266 и 267 «Положения» определяли задачи и порядок работы областных управлений по дальнейшему изучению документов и производству предусмотренных «Положением» работ на вакфных участках⁸.

В 1906 г. «Туркестанские ведомости» (№ 121) сообщили, что до указанного выше срока в три областных правления (Сырдарьинское, Самаркандское и Ферганское) было передано 7509 вакфных документов, из которых менее 10% (737) имели ханские печати. Первым долгом царскими чиновниками были обследованы освобожденные от налогов и повинностей (обеленные) вакфы.

Нам удалось четче определить, что не все вакфы были освобождены от налогов и повинностей: они делились на обеленные (أقو وافی) и необеленные («فاره وافی»).

В целях уточнения границ вакфных владений и иных данных все эти документы были рассмотрены специально назначенными чиновниками. Выявлялись местонахождение самого учреждения, его вакфные владения, которые подвергались обмеру, а по отдельным крупным владениям были составлены схематические карты. Определялись категории земель, размеры рынков, местонахождение и количество лавок и других объектов вакфного имущества. Выяснялись также доходы вакфа, доходы государства от необеленных вакфных владений и т. д. На все религиозно-культурные объекты или группы (мелких) объектов в областных правлениях заводились соответствующие дела. Материал этот, относящийся к территории Кокандского ханства, размещен (по уездам) в 1430 делах трех фондов ЦГА УзССР.

Угроза лишения вакфного имущества в случае непредставления соответствующих документов царской администрации, естественно, заставляла их владельцев и держателей передать эти документы в областные правления.

Самарканда и их вакфы, Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV, СПб., 1876; В. Л. Вяткин. О вакуфах Самаркандской области. Справочная книжка Самаркандской области, вып. X, Самарканд, 1912, стр. 96—107; И. П. Петров. О вакуфах в Самаркандской области, Юридический вестник, 1891, кн. 2, стр. 264—274; Борис Каплун. К вопросу о вакуфах, Туркестанские ведомости, 1906, № 121. Кроме того, в «Туркестанских ведомостях» были помещены статья А. Хорошхина «Очерки Ташкента», где освещались городские вакфы (1873, № 21), и заметка о доставке в Сыр-Дарьинское, Самаркандское и Ферганское областные правления 737 вакфных документов с ханскими печатями (там же, № 121). В местной газете «Туркестон вилоятининг газетаси» (1897, № 44) помещена статья о вакфных документах мечети Ахмеда Ясави. См.: Гирриус. Заметки о вакуфах, Ташкент, 1906, машинопись, 28 стр., Государственная публичная библиотека УзССР им. А. Навои, отдел редких книг, П. Я. 3589 и др.

⁷ А. Х. Хамраев. Несколько образцов наследственного вакфа, Бюллетень САГУ, вып. 25, Ташкент, 1947; О. Д. Чехович. Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965; е е же. Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане), М., 1974; Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. (Вакф-наме), Ташкент, 1966; З. Кутбаев. К истории вакфных владений Ходжа Ахрара и его потомков. Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1970.

⁸ Положение об управлении Туркестанского края. Свод законов, т. II. Издание 1892 по прод. 1912, 1913 и 1914 гг. с разъяснениями правительствующего сената (гражданского касса, уголовного касса, общего собрания I и II департаментов), приказов и циркулярами по отдельным частям управления. Составлен помощником присяжного поверенного И. Ф. Абрамовым, Ташкент, изд. книжного магазина М. Ф. Сабери, 1916.

Тем не менее, на наш взгляд, трудно говорить о том, что в то время был обеспечен сбор всех вакфных документов. По данным источников, в том числе по материалам указанных фондов, нам известно, что во многих случаях вакфные документы того или иного учреждения на протяжении многих лет не раз переходили из рук в руки, уничтожались при феодальных неурядицах, терялись, портились и т. п. Так что по некоторым уездам и крупным учреждениям материалов пока не хватает, и розыски их нами продолжаются.

Но даже при всей своей неполноте эта коллекция вакфных документов в целом дает хорошее представление о состоянии вакфного хозяйства в Кокандском ханстве и в первые годы после его упразднения, отражает место вакфной собственности в социально-экономической жизни страны и служит ценным источником для разработки многих вопросов истории социально-экономической и общественно-политической жизни изучаемого района в период существования Кокандского ханства и первые годы после его упразднения.

В последние годы мы познакомились со всеми документами этой коллекции. По предварительным данным, в ней содержится 4726 документов, относящихся к территории Кокандского ханства, — вакф-наме, купчие (васики), главным образом в подлиннике, копии документов на местных языках, грамоты правителей и др. Они охватывают период со второй половины XVI в. до 1304 (1886/87) г. х., т. е. до срока, установленного «Положением» 1886 г. Несколько документов, написанных после этого, в период до 1326 (1908) г. х. (по Маргиланскому уезду Ферганской области и по Сырдарьинской области) попали сюда, видимо, случайно.

К XVI—XVIII вв., по предварительным подсчетам, относятся примерно 45 документов, а остальные составлены в XIX в. В их числе 2834 документа относятся к периоду до и после образования Кокандского ханства, а 1892 — после присоединения края к России.

Однако и единичные документы, относящиеся к Фергале и Ташкентской области XVI—XVII вв., весьма ценны, прежде всего потому, что по истории этих областей указанных столетий мы имеем крайне скудные сведения письменных источников и незначительное количество документального материала. Поэтому у нас и поныне остается весьма недостаточное представление о социально-экономической и политической истории указанных областей.

Для решения ряда важных научных вопросов большое значение имеют 234 документа (жалованные грамоты, письма ханов и местных правителей), выданные главным образом крупным религиозно-культурным учреждениям и отдельным лицам, и 193 вакф-наме с ханской печатью, также выданные в основном крупным религиозно-культурным учреждениям, но не имеющие грамот. Они характеризуют состояние в Кокандском ханстве обеленных вакфов.

Как известно, в советской исторической литературе достаточно освещен вопрос о разных феодальных институтах средневековой Средней Азии (икта, суюргал, танха, тархан), представлявших собой пожалования привилегий и различных имуществ, главным образом земельно-водных угодий. Их получали светские служилые люди и представители верхушки мусульманского духовенства. Кроме того, они (особенно представители высшего духовенства) пользовались огромными доходами от обеленных и необеленных вакфов многочисленных религиозно-культурных учреждений. Им принадлежали крупные владения в качестве наследственного или потомственного вакфа (وقف اولاد).

В изученных нами архивных фондах, как уже отмечалось, имеется значительное количество ипоат-наме (грамот) правителей, где перечислены налоги и повинности, от которых освобождались владельцы вакфного имущества. Характерно, что в одних случаях в документах речь идет только об освобождении от основного земельного налога (херадж) и его разновидности — танабаны. В других документах перечисляются все налоги и повинности, от которых вакфные владения, принадлежавшие как учреждениям, так и отдельным лицам, подлежали освобождению, причем подчеркивается, что они освобождаются от совокупности взимаемых в стране налогов и повинностей. (جملة يورتيه» или جملة يورتيه»).

Во многих случаях лица, освобожденные от налогов и повинностей, объявлялись тарханами. Как видно, степень освобождения была неодинаковой, и здесь, естественно, основную роль играло социально-классовое положение освобождаемого.

В документах упомянуты следующие налоги и повинности: херадж, в том числе кук-пули, или кабуд-бари (от летних посевов), сафид-бари (от зимних посевов), мали-кафсанг, танабана, в том числе харбуза-пули; викахана (свадебные); тарикана (поступление от раздела наследства); улав-пули, или улов; мардикор; ароба (для принудительных работ); закят, пиладжат, лашкар-рави и другие, которые подлежат дальнейшему глубокому изучению.

В этих и иных документах часто упоминаются «حق الشرب» «حق آبه»

«خراج حق» в значении водного налога. В других наших работах мы уже говорили о господстве частной собственности на воду в Ферганской долине, продаже оросительной воды в Кокандском ханстве, взимании водного налога. Документальные материалы по западным районам Кокандского ханства, в частности по Ура-Тюбе, подготовленные под нашим руководством к изданию И. Усмановым⁹, и особенно материалы описываемой коллекции убедительно подтверждают наши выводы.

Водный налог, наряду с другими, взимался и в восточных областях ханства, например в Андижанском округе. В Ферганской долине широко практиковалась отдача в вакф арыков как вместе с определенными земельными участками, так и без них. Известен факт пожалования в вакф одного арыка в предгорном районе в пользу религиозного учреждения, с последующим расширением или продлением этого оросительного сооружения, освоением необработанных земель или использованием его воды в целях продажи, аренды и т. п. В этом случае речь идет о пожаловании только водного налога («حق آبه»).

Примером передачи в вакф водных объектов и водного налога может служить документ, выданный правителем Ура-Тюбе в 1115 (1703/4) г. х. мазару Ходжи Исы. Подтверждая его старый вакф в размере «3,5 суточной воды» в местности Янгир-арык, в Ура-Тюбе, правитель, со своей стороны, утверждает в качестве вакфа водный налог, поступающий от этого арыка¹⁰. А в документе Шахи-бека диванбеги, выданном тому же мазару в 1249 (1833/34) г. х. на основании грамоты кокандского хана Мухаммадали, сказано: «...Следует, чтобы заинтересованные чиновники тех местностей ничего не требовали от дохода этой воды»¹¹.

Во многих ханских грамотах подчеркивается, что пожалование государственных доходов (налогов) в пользу владельцев вакфа осуществляется в порядке учреждения нового вакфа со стороны государства. В таком случае в вакф превращалось не само имущество, а доходы государства от уже существовавшего вакфа.

Несомненно, особый интерес в изучаемой коллекции представляют данные о производителях материальных благ. Мы в ряде работ уже останавливались на характеристике их положения в хозяйствах светских землевладельцев, в городском ремесленном производстве и т. д. Однако способы обработки вакфных земель, положение крестьян, эксплуатировавшихся на этих землях в Кокандском ханстве, до сих пор не были ясны. Между тем в коллекции имеется ряд документов, свидетельствующих о том, что от государственных налогов и повинностей освобождались и издольщики, сидевшие на вакфных землях и обрабатывавшие их.

Полное освобождение от всех государственных налогов и повинностей владельца вакфа вместе с издольщиками — чайрикерами и каранда четко выражено в грамоте Мухаммадали-хана от 1257 (1841/42) г. х.: «...Правителям, сборщикам налогов и лицам, занятым государственными делами, не ждать и не требовать ни с какой стороны ни дирхема, ни динара и ни зернышка, считая Бабаходжу, его сына Насыра Ходжу и его чайрикеров освобожденными и прощенными от уплаты хераджа, танабаны, всех официальных и неофициальных налогов и повинностей и воинской обязанности»¹².

При возникновении споров многие издольщики сами свидетельствовали о том, что они издольно работают на собственника земли, владельца вакфа. Об этом свидетельствуют имеющиеся в делах многочисленные допросные листы и прошения, написанные издольщиками по требованию мутаваллиев и чиновников царской администрации.

Освобождение издольщиков от государственных налогов и обязательств, которое впервые столь четко и конкретно характеризуется в описываемых документах, практически означало, что в связи с обложением вакфа все причитавшиеся с них налоги и повинности переходили в пользу владельца вакфного имущества. Так что положение их еще более ухудшалось, ибо они полностью оказывались в кабальной зависимости от частного собственника, владельца вакфа. В таких хозяйствах несомненно

⁹ И. Усманов. Указ. рукопись.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 10080, л. 7.

¹¹ Там же, л. 3.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-9, оп. 1, д. 34549. حکام و عصال عاملان و صاحب

دخلان اشغال سلطانی از وجد خراج و طنابانه و کل آغات سالقات اسمی و رسمی و لشکر روی به بابا خواجه و فرزند او ناصر خواجه و چاریکا رانش را معاف و مرفوع القلم دانسته دانه و پرگاهی درهمی و دیناری از هیچ وجه طلب و طمع ننمایند...

существовала крепостническая форма зависимости, на что мы уже указывали в одной из своих работ¹³.

В большинстве случаев вакфные владения отдавались в аренду, и арендатор, а в других случаях, возможно, сам мутавалли (попечитель имущества вакфного учреждения) непосредственно эксплуатировали труд издольщиков в данном хозяйстве. Изученные нами документы говорят о том, что срок аренды был не более 3 лет. В них мы находим ценные данные об использовании кара-казанов (воинов) в качестве землепашцев на вакфных землях и т. д.

В ряде своих работ мы уже констатировали широкое развитие в Кокандском ханстве, особенно в последние годы его существования, принудительного труда (хашар, мардикары) как в сфере государственного строительства, так и в хозяйствах феодалов, прежде всего самого хана и многочисленных членов ханского дома. Принудительный труд в указанных формах был несомненно распространен и в вакфных хозяйствах, владениях духовных феодалов, о чем свидетельствуют отдельные документы описываемой коллекции, хотя эти вопросы, естественно, не находят там подробного отражения.

Ряд документов XVI—XIX вв. говорят о том, что обеленное вакфное имущество отдельных религиозных учреждений и крупных представителей духовенства имело весьма значительные размеры и находилось в их руках на протяжении длительного периода, порой в течение нескольких веков. В качестве примера можно назвать хозяйства Шах Саида Мирак-и Вали (Ходжа Мирак-и Вали), сына Шах Саида Махмуда, и его потомков в Курамской области. На их обеленный наследственный вакф имелись грамоты Абдуллы-хана (XVI в.), подтверждавшие принадлежность этому дому ряда арыков с орошаемыми землями и необрабатываемых земель в указанной области. Позднее хан Мухаммадали в грамоте 1239 (1823/24) г. х. и Маллахан в грамоте 1275 (1858/59) г. х. также подтвердили такого рода освобождение. Несомненно, на это владение имелись и несохранившиеся документы, выданные другими правителями в период между XVI и XIX вв.

В самом конце XIX в., по определению царского чиновника, в кишлаке Саид Мирак, в районе Янгикургана, потомкам Саид Мирака (50 хозяйств ходжей) принадлежали (по уже, несомненно, сокращенным размерам) 851 десятина 1200 сажень земли. Им же принадлежали рисовые поля в урочище Карасу, в местностях Ташкичу и Аксай. Кроме того, потомки Саид Мирака (35 домов), жившие в районе Буки, в кишлаке Ходжикурган, владели земельными угодьями в размере 906 десятины 1200 сажень. По данным царских чиновников, все земли обрабатывались «дольщиками», а доходами полностью пользовались ходжи.

Выявлены и другие длительное время существовавшие вакфные хозяйства и обеленные имущества. На некоторые из них грамоты представлены более систематично, от имени 10—11 правителей. Возникнув задолго до образования Кокандского ханства, эти потомственные владения независимо от их формы (вакф или милк) существовали в известном отношении даже после присоединения ханства к России. На материалах многих дел можно проследить эволюцию этих хозяйств — их расширение или сокращение, рост числа привилегированных потомков того или иного видного духовного землевладельца-водовладельца, жестоко эксплуатировавших многие поколения непосредственных производителей.

Данные были известны по данным рукописных источников и отдельных документов лишь единичные сведения о завещании представителями правящей верхушки ханства определенных вакфов в пользу построенных ими учреждений. Описываемая коллекция серьезно пополняет эти данные, показывая многочисленность подобных религиозных учреждений и фактов передачи в их пользу вакфных владений.

Особенно важны те документы, которые характеризуют отношение кипчакской знати (игравшей первостепенную роль в политической жизни ханства в последние десятилетия его существования) к религиозно-культурным учреждениям и вакфам. В этом вопросе имеются явные противоречия. Например, основываясь на данных одного местного автора — противника кипчаков — Шавки, В. Наливкин писал: «По большей части безграмотные, далекие даже и от здешней среднеазиатской образованности, кипчаки разгоняли учеников из медресе, жгли книги и на каждом шагу старались унижить муллу, по большей части сартов»¹⁴.

Как мы уже отмечали в одной своей работе (ссылаясь на того же Шавки), некоторые кипчаки, став мутаваллиями мазаров, медресе и мечетей, присваивали их вакفية доходы. Но автор «Таснифи гариб» Азиз бини Риза-и Маргинани писал: «В пору правления (кипчака) Мусульманкула широко был распространен шарнат, улемы, шейхи способствовали приобретению (религиозных) знаний».

¹³ Р. Н. Набиев. Источники по истории крепостного права в Средней Азии, Археографический ежегодник за 1963 г. Под ред. акад. М. П. Тихомирова, М., 1964, стр. 87—104.

¹⁴ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 163.

Мы до сих пор не имели документов, относящихся к строительной деятельности кишлакской знати в этой области и учреждению ею значительных вакфов в пользу религиозно-культурных учреждений. Теперь же об этом свидетельствует немалое количество документов описываемой коллекции.

Изучаемые документы содержат достаточно данных для характеристики материальной основы крупных религиозных учреждений и отчасти духовенства Кокандского ханства. Созданные главным образом видными представителями духовных и светских феодалов, в том числе членами ханского дома, эти многочисленные учреждения были наделены значительными вакфными владениями, начиная от нескольких сотен тананов до нескольких кишлаков с тысячами тананов земли, от небольших до десятикилометровых арыков, от десятков до сотен лавок в городах и т. д.

В исторической науке проделана определенная работа по изучению истории орошения и освоения новых земель на территории ханства, в частности в Ферганской долине. Были использованы данные карративных источников, небольшой документальный материал, многочисленные сведения русских авторов того периода, а для некоторых районов — и этнографический материал. Документы изучаемой коллекции значительно пополняют наши сведения в вопросах орошения и освоения земель (правда, отдельных участков) в связи с превращением их в вакфные владения.

Примером могут служить материалы об освоении ташкентским правителем Мирза Ахмедом в середине XIX в. некоторых земель в районах населенных пунктов Иски-Ташкент, Сарыагач и Актепа, которые были завещаны в пользу выстроенного им в Себзарской части Ташкента медресе «Муи-Мубарак». Орошение и освоение этих участков были осуществлены путем принудительной мобилизации населения Ташкента. Такими же насильственными методами проводилось и заселение этих мест. Дропешенный царскими чиновниками мутавалли этого вакфа Бахадур-ходжа утверждал: «Мирза Ахмад ничего не расходовал из собственности на оживление земель, а все было сделано народным трудом, по наряду»¹⁵. Эти данные подтверждаются сведениями Мухаммада Салиха — автора «Тарихи джадидан Ташканд»¹⁶.

Документы описываемой коллекции дают обильный материал для характеристики различных категорий земель в ханстве, отчуждения их в вакф религиозных учреждений, перехода земельных участков и арыков из одной формы собственности в другую и т. д.

Имеются многочисленные примеры о пожаловании правителями в порядке вакфа отдельных участков государственных земель — амлака («мамлакан султани», «мамлака»). Изредка встречаются документы о прямой продаже государственных земель.

В вакф завещали различное имущество недвижимое и движимое, по основу вакфного владения составляли земля и вода. В вакф передавались определенные кишлаки или группы кишлаков с их землями, занятыми различными посевами, садами, бахчевыми культурами, лесами (даже отдельными деревьями) и оросителями. Вакфами могли быть и отдельные земельные участки, как орошаемые и обрабатываемые, так и неорошаемые — богарные, целинные (даже усеянные буджишником). Объектами вакфа становились также отдельные арыки, ветви арыков, а в одном случае — озеро.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что объектами вакфа зачастую были и торговые учреждения (лавки, караван-сарай), ремесленные мастерские, мельницы, водяные крупорушки, дома, бани и проч. Некоторым религиозным учреждениям принадлежало большое количество вакфных лавок — до 100 и более. В крупных городах ханства их удельный вес был весьма значительным.

Во многих случаях в руках мутавалли того или иного учреждения сосредоточивались в качестве вакфа деньги — золотые, серебряные, медные — или просто золотые и серебряные слитки. В вакф порой передавали целые библиотеки или отдельные книги религиозного характера, в том числе экземпляры Корана. В качестве вакфа фигурирует также рабочий скот (например, быки), инвентарь, общественная утварь, охотничий заповедник, лодки и т. д.

Документы содержат большой материал о разнообразных условиях распределения вакфных доходов между их пользователями, экономическом положении различных категорий служителей, их обязанностях.

Часть документов описываемой коллекции относится к общественным учреждениям: школам, кладбищам, рабатам, местам общественного сбора неимущих людей — «вакф простонародья» («*وقف عامه*») ¹⁷. Имеется несколько документов и о выделении земельных участков в вакф для устройства на них общественных прудов, хаузов.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 34549.

¹⁶ Мухаммад Салих кари Ташканди. Тарихи джадидан Ташканд. ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5732, л. 200—201.

¹⁷ «برای آرامگاه فقیران و مسکنان وقفی کرده»

В двух документах отражены факты учреждения вакфов в пользу производственных предприятий. Первый из них — о завещании в 1298 (1880/81) г. х. в вакф участка земли в пользу ремесленного цеха по стирке (мойке) ситцев, второй — в пользу карханы (ремесленное учреждение), принадлежавшей одному крупному ишану.

Два документа (вакф-наме) отражают учреждение вакфа специально для ремонта важных мостов и надзора за ними. Следует отметить, что пока мы еще мало знаем о наличии таких документов и вообще данных, характеризующих способы охраны, реставрации и ремонта столь необходимых и вместе с тем часто разрушавшихся общественных объектов. Нам встречался еще один факт учреждения вакфа в пользу моста в пределах Бухарского ханства. Некая Кундуз-биби, дочь муллы Бабаджана, в районе Каттакургана отдала для поддержания в порядке моста на тамошнем арыке около 5 танавов своих мельковых земель.

Вакфы в пользу общественных учреждений и объектов учреждались, как видно из документов, отдельными людьми или группами жителей.

В описываемой коллекции мы выявили 64 вакфных документа, специально составленных по указанию Худояр-хана по несколько иному образцу. Они относятся к 64 учреждениям, главным образом мечетям, размещенным в 51 квартале столицы ханства г. Коканда и окрестных кишлаков. На документах в середине текста, имеется малая печать хана, а в нижней части — печати юридических лиц (до четырех). Эти новые документы составлялись начиная с первого месяца 1286 (1869/70) г. х.; основная масса их относится к 1287 (1870/71) г. х., хотя оформление таких документов продолжалось, видимо, до 1289 (1872/73) г. х. Составление их хан поручил одному из своих видных приближенных Ишану Бузрук-ходже, которому было предписано выяснить при этом состоянии старых вакфных документов, проверить свидетелей, опиреть население данной махаллы и т. д.

В последние годы существования ханства наблюдаются известные изменения в ряде сфер его жизни под влиянием России. Мы склонны рассматривать попытки ханской власти пересмотреть состояние вакфного дела не только с точки зрения его упорядочения, но и в плане секуляризации известной части вакфной собственности, особенно многочисленных небольших учреждений вроде квартальных мечетей.

Таким образом, изучение указанной коллекции позволило впервые затронуть ряд важных вопросов социально-экономической и политической жизни края в эпоху феодализма. Это вопросы налоговой системы применительно к вакфным владениям, политики ханов в этой области, освобождения (обеления) вакфных имуществ, характеристики ряда феодальных хозяйств, существовавших на протяжении веков, форм и методов феодальной эксплуатации в них, закабаления крестьян, концентрации земель, воды и иных богатств в руках правящей верхушки, злоупотреблений с вакфным имуществом, эволюции вакфной собственности, частичной секуляризации ее в последний период существования ханства.

Документы, собранные со всей территории Кокандского ханства вскоре после его упразднения, несмотря на неполноту коллекции, достаточно четко характеризуют состояние вакфного дела в ханстве, чего, кстати, мы не можем пока сказать ни по Хиве, ни по Бухаре.

Вводимые в научный обиход источники важны для разработки истории орошения и освоения земель Ферганской долины, Ташкентской области, политической истории, оценки некоторых социальных движений (имеются, например, документы руководителя восстания Пулат-хана, показывающие его отношение к вакфам), некоторых общественных отношений, городского ремесленного производства и внешней торговли.

Исследуемые документы расширяют наши представления об объектах движимого и недвижимого имущества, образовавшегося в вакф. Весьма интересен и содержащийся в них огромный материал по топонимике городских и сельских населенных пунктов, рек, арыков и т. п.

Учитывая значимость этих исторических источников, мы считаем нужным подготовить к изданию наиболее ценные документы, характеризующие налоговый систему и налоговую политику в Кокандском ханстве.

Р. Н. Набиев